

Даже если так, визит тигроволка почти наверняка не предвещал ничего хорошего. Оскаленная, свирепая пасть зверя при появлении и тот полный затаенной злобы взгляд, который он бросил на Чи Сяня перед уходом, говорили сами за себя. Стоило Кельту вспомнить эту картину, как остатки чувства вины окончательно улетучились из его души.

Сейчас важнее всего было понять причины этого внезапного и жуткого безумия лесных тварей, а также как-то устроить обездоленных беженцев.

— Мы ведь сперва пытались укрыться в Кастаре, — со вздохом заговорил староста Деревни Пяти Рыбаков. — Но в городе сейчас осадное положение. Храм вовсю готовится к вековому юбилею Его Святейшества Папы. Чтобы не допустить козней темных еретиков, стража заперла ворота. Чужаков внутрь не пускают. Мы надеялись переждать бурю у подножия городских стен. Но едва весть о нападении на наши дома дошла до властей, как по Кастару поползли слухи: дескать, это кара Божья. Будто мы прогневали Бога Света, оттого и навлекли на себя беду... А на следующее утро рыцари Рыцарского ордена Церкви попросту вышвырнули нас за пределы городских земель.

Иначе разве вернулись бы они в эти горы, зная, сколько опасностей теперь таит хребет Кастар?

Глаза старосты покраснели от едва сдерживаемых слез.

— Но помилуйте, все наши деревни, все наши люди... Да мы ведь до последнего вздоха преданно молились Богу Света! Как мы могли Его оскорбить?

Кельт невольно покосился на стоявшего рядом Чи Сяня. Тот ведь совсем недавно выдавал себя за Сына Бога, а то и вовсе сболтнул лишнего, назвавшись самим Богом Света...

Мысль эта заставила Кельта похолодеть, а лицо его сделалось бледным как полотно. Но он быстро взял себя в руки. Сделав глубокий вдох, он выдал дружелюбную улыбку:

— Мы обязательно во всем разберемся. А пока располагайтесь здесь. Вон там, в углу, сложены одежда и одеяла, берите все, что нужно. Что же до раненых, которых вы принесли с собой, — я уже послал за врачом...

— Спасибо, храни вас Небо!

Старик выронил деревянные палочки и судорожно вцепился в ладони Кельта, его голос задрожал от подступающих рыданий.

— Кельт, друг мой, мы вовек не сможем отблагодарить вас...

Кельт стоял, словно деревянный.

— Ну что вы... — выдавил он сдавленно. — Мы лишь делимся тем, что имеем. Мы ведь все выросли в этих горах, кому как не нам помогать друг другу?

Мужчину жгло изнутри чувство вины. Больше всего он боялся, что именно их дерзкая ложь навлекла гнев небес на безвинных соседей. Не в силах более скрывать смятение, он поспешил откланяться:

— Отдыхайте. Не будем вам мешать.

Стоило старосте покинуть пещеру, как один из молодых крестьян недовольно насупился.

— И это всё? — процедил он сквозь зубы, как только шаги Кельта затихли вдали. — Оставили нас торчать в этой сырой дыре? У самих-то во дворе новые дома стоят, крепкие, теплые. Стоило им потесниться да уступить пару изб — места всем хватило бы!

Он с презрением пнул носком сапога аккуратную стопку вещей в углу.

— А это что за рваньё? Да эти тряпки хуже наших собственных! Всё в заплатках и дырах. С барского плеча объедки скинули! Сами-то щеголяют в новеньких кожаных доспехах да добротной одежде, а нам подсовывают гнилье...

— Да завали ты пасть! — на лбу старосты надулись багровые вены. — О каком холоде ты лопочешь? На дворе ранняя осень, солнце прямо над головой палит! Какого тепла тебе еще надобно? Или ты ждешь, что они свои новые дома тебе подарят и догола ради тебя разденутся? Забыл, паршивец, что это мы пришли просить о пощаде? Помочь нам — это их добрая воля, а не обязанность!

Старик тяжело вздохнул, и его голос заметно поутих:

— Тем более... когда им самим было туго, мы пальцем о палец не ударили, чтобы протянуть руку помощи.

Но юнца этот довод не урезонил. Напротив, в его голосе прорезалось открытое раздражение:

— Тоже сравнил! Они тогда перешли дорогу Церкви. Помогли мы им — и нам бы головы снесли!

— И вообще, мы тоже не оставались в стороне, — подали голос его дружки. — Помните, староста, как вы сами отправляли им зерно и снадобья? Мы тогда отрывали крохи от собственных семей, делились последним! А теперь, когда у них всего в достатке, они жмутся уступить нам хоть малость.

— Рты закрыли! — рявкнул староста, окончательно теряя терпение. — Никто вас силой здесь

не держит. Не нравятся одеяла — катитесь на все четыре стороны!

Смутяны притихли, но в их глазах затаилась глухая злоба.

Будь у них звонкая монета, они бы близко не подошли к этой дыре — сунули бы пару серебряных рыцарям Рыцарского ордена Церкви у ворот Кастара и преспокойно устроились в городе. Ведь Тахэ всегда считалась самой убогой и нищей деревней в округе, да к тому же ухитрилась навлечь на себя гнев священника Рида.

Идя сюда, они были уверены, что если уж их Деревню Пяти Рыбаков растоптали лесные твари, то от Тахэ и вовсе мокрого места не осталось. Думали разжиться среди руин хоть какими-то припасами.

А вместо пепелища их встретило чудо. Меньше чем за две недели деревня преобразилась до неузнаваемости. Добротные каменные дома, ровные, вымощенные дороги — да у некоторых кастелян в самом Кастаре замки выглядели скромнее! Откуда у этих нищевродов такие деньжища?

Главарь заговорщиков скосил глаза и многозначительно подмигнул приятелям.

Тем временем Кельт, не подозревая о зреющем в пещере недовольстве, вышел на улицу и подозвал к себе одного из дозорных — высокого, жилистого парня.

— Ступай и еще раз строго-настрого накажи всем нашим: о господине Чи Сяне — ни слова. Если эти расспрашивать начнут, откуда у нас такие хоромы да дороги, отвечайте, мол, проходил мимо странствующий бард. Пожалел нас, сирых, научил уму-разуму, а вчера на рассвете собрал вещи и ушел.

Парень понатливо кивнул и заспешил выполнять поручение.

Покончив с этим, Кельт повернулся к Чи Сяню. В его глазах читались неподдельная тревога и затаенный страх.

— Господин Чи Сянь, что же нам делать? По словам старосты, на их пути лесные звери разорили уже по меньшей мере пять селений. Сколько невинных душ сгинуло...

Кельта мучил один и тот же немой вопрос: неужели это они навлекли беду? И если хищникам не удалось пробить защитную стену Тахэ, не обрушит ли разгневанный Бог Света на их головы новую, куда более страшную кару?

— Эти слухи — чушь, — спокойно отозвался Чи Сянь.

Кельт удивленно моргнул.

— Но как же...

— Пусть я и задел Его величие, но в то же время спас тех, кто истово Ему молится. Если Он все еще намерен мстить мне руками лесных тварей, то Его божественное величие гроша ломаного не стоит. Слишком уж мелкая душонка для создателя мира.

Чи Сянь усмехнулся, глядя на побелевшего от ужаса Кельта:

— К тому же, какое отношение к моим прегрешениям имеют жители Деревни Пяти Рыбаков и других разоренных поселков? Они-то меня в глаза не видели. Если бы Бог Света карал правых и виноватых без разбора, Его бы давно перестали почитать. Однако разобраться в причинах этого безумия все же необходимо. Передай своим, чтобы в лес в ближайшие дни — ни ногой.

Кельт, у входа в пещеру, мог вздохнуть с облегчением. К счастью, Ся Пэньюэ и его люди, когда возводили дома, не поленились на совесть укрепить и внешнюю стену. За этими каменными укреплениями жители Тахэ могли спать спокойно.

— Я сам отправлюсь в чащу и выясню, что там происходит, — подытожил Чи Сянь.

Сборы были недолгими, и уже через полчаса Чи Сянь покинул деревню.

Раз уж источник бедствия крылся в лесной глуши, путь его лежал прямо в темную чащу горного хребта Кастар. Впрочем, первые два дня принесли мало пользы: времени на поиски уходило куда меньше, чем на дорогу туда и обратно. То и дело Чи Сяню попадались группы испуганных, израненных горцев, бегущих от наступающих хищников. Оставить их на растерзание зверью он не мог, а потому раз за разом возвращался, провожая беженцев до безопасных стен Тахэ.

Но труды не пропали даром — кое-какие зацепки ему все же удалось собрать.

Во-первых, во всех разоренных селениях начисто отсутствовали тела погибших. Ни трупов, ни следов борьбы на пепелищах — лишь зловещая пустота.

Во-вторых, все пострадавшие деревни жались к руслу реки Тахэ.

Вывод напрашивался сам собой. Источник заразы следовало искать у истоков.

У реки Тахэ было три истока. Удача не спешила улыбаться Чи Сяню: первые две ночи, проведенные у горных ручьев, прошли впустую. Лес спал глубоким, настороженным сном.

Лишь на третьи сутки, когда он обустроил ночлег на ветвях исполинского дерева неподалеку от последнего, третьего истока, тишину ночи нарушил чужой шорох.

Чи Сянь мгновенно подобрался, затаил дыхание и глубже зарылся в густую листву, обратившись во слух.

В следующую секунду с вершины крутого утеса бесшумно скользнул силуэт. Мужчина плавно опустился на каменистую землю у самой воды.

Чи Сянь прищурился, сясь разглядеть пришельца в лунном свете.

Юноша медленно огляделся по сторонам, словно проверяя, нет ли поблизости лишних глаз. Его тонкие, красивые брови сошлись у переносицы, выдавая легкую досаду. Очевидно, не найдя того, что искал, он перевел взгляд на темное зеркало лесного затона.

Затем его руки неторопливо скользнули к поясу.

Чи Сянь невольно подался вперед, сясь уловить малейшее движение незнакомца. Тот распустил поясной ремень и принялся неспешно стягивать с плеч дорожные одежды.

Чи Сянь опешил.

"..."

Подглядывать за чужим омовением не входило в его привычки, поэтому Чи Сянь поспешно отвел глаза.

И тут же наткнулся взглядом на две крошечные бусины глаз и длинное, подергивающееся раздвоенное жало. Большая зеленая змея, свисавшая с соседней ветки, уже приготовилась к броску.

В следующее мгновение тварь метнулась прямо к его лицу.

Чи Сянь резко качнулся в сторону, уклоняясь от ядовитых клыков.

В ту же секунду юноша, успевший занести ногу над водой, резко обернулся:

— Кто здесь?!

В воздухе свистнул сорванный листок. Чи Сянь бесшумно соскользнул на землю, на лету перехватив змею и намертво пригвоздив ее к древесной коре обычным зеленым листом,

напитав его своей силой.

"..."

Только сейчас до него дошло, в каком двусмысленном положении он оказался.

Чи Сянь расправил плечи и постарался придать голосу максимум спокойствия:

— Поймите, это недоразумение. Я вовсе не...

Договорить он не успел. Слова застряли в горле, а взгляд намертво приковало к широкому кольцу на указательном пальце левой руки незнакомца. Пространственное кольцо!

Увы, в этот напряженный момент Чи Сянь начисто позабыл об одной немаловажной детали: юноша стоял перед ним абсолютно нагим, а его левая рука, опущенная вдоль тела, находилась в опасной близости от упругих изгибов собственной плоти.

Юноша медленно перевел взгляд со своего пальца на лицо незваного гостя.

"..."

<http://bllate.org/book/20654/2132251>